

Юрий Яковлевич ВАРЫГИН родился 20 февраля 1937 года в селе Рождественском Казачинского района. В 1969 году окончил Московский государственный институт культуры, а в 1985-м получил диплом об окончании университета марксизма-ленинизма. В молодости работал во многих театрах страны. После службы в рядах Советской армии вернулся в Красноярский край. С 1958 года начал работать художественным руководителем районного Дома культуры в селе Сухобузимском, затем в Казачинском. До 1969 года руководил Казачинским районным Домом культуры, попутно организовывая местное радиовещание и получая образование в Минусинском культпросветучилище, после окончания которого поступил в Московский государственный институт культуры. Выпускник столичного вуза с 1969 года становится режиссёром народного театра Казачинского районного Дома культуры. С 1992 года начинается педагогический отрезок трудового пути Ю. Я. Варыгина. Он работает заместителем директора средней школы села Шапкино в Енисейском районе, педагогом дополнительного образования Центра детского творчества села Казачинского, вновь возвращается в Шапкинскую школу заместителем директора по художественно-эстетическому воспитанию. В 2003 году Юрий Варыгин пробует освоить новую профессию и устраивается корреспондентом местного телевидения «Квинта-центр ТВ», но спустя какое-то время возвращается к педагогической деятельности и продолжает учить детей в районном Центре детского творчества. В 2010 году во второй раз он возвращается в Дом культуры в качестве режиссёра театра. За время работы Ю. Я. Варыгин поставил более 300 спектаклей. Свои заметки, стихи и рассуждения он публиковал в газетах «Пионерская правда», «Вечерний Красноярск», «Откровение», в коллективных сборниках «Поэзия Красноярья, век XX», «Поэзия на Енисее». К его70-летию вышел авторский сборник «Поэзия любви», затем книга «Свет мгновений». Юрий Яковлевич Варыгин награждён знаком Министерства культуры СССР «За отличную работу» (1968), орденом «Знак Почёта» (1976), званием «Ветеран труда» (1985). Имеет дипломы от Союза журналистов, Союза писателей, лауреат всесоюзных и всероссийских фестивалей народного творчества, является заслуженным деятелем культуры. В 2007 году был удостоен звания «Почётный гражданин Казачинского района». По сей день Юрий Яковлевич выступает на площадках краевых библиотек и выставочных залов, его приглашают на встречи с поэтами и студентами вузов. Он по-прежнему пишет в районную газету «Новая жизнь», в газеты «Красноярский рабочий», «Красноярскую газету».

КОГДА БУМАГА ТЯНЕТСЯ К ПЕРУ

Опять передо мной лежит лист девственно-чистой белой бумаги. О чём буду писать, я ещё не знаю, но писать хочется до дрожи в руке. И ведь не какой-нибудь я маститый

и известный автор и не так уж искусно владею слогом, а вот поди ж ты — тянет писать, и всё тут! Скребёт у меня внутри кто-то, просится на волю, да так сильно, что порой невтерпёж бывает.

А началось у меня всё с детства.

Как и многие будущие (чуть не написал «знаменитые», но вовремя споткнулся) авторы, начинал я со стихов. Они были, конечно, и о нашей матушке-зиме. Стишки свои читал на детском новогоднем утреннике в школе. Кое-что из своего «творческого наследия» тех дней я помню до сих пор.

Ну вот перл из «собрания сочинений» моего детского писательского периода:

В зимний холод как-то раз Я по грудь в снегу увяз, Долго я потом хворал, Долго кашлял и чихал.

Ну как, здорово?

Ребятишки на утреннике хохотали, когда я у ёлки, сгорбившись, начинал отчаянно кашлять и чихать, да с таким присвистом, что даже учителя покатывались от хохота (лицедейство, как и стихоплётство, тоже сидело во мне с детства).

Сочинять-то я сочинял, а вот диктанты часто на двойки писал: уж очень я был невнимателен к письменному слову, как говорила мне первая учительница Ефросинья Кузьминична Белоусова (в девичестве Черчик). Позднее я узнал, что все великие — и Пушкин, и Астафьев, и даже насмешник Зощенко, как и другие известные писатели, — тоже писали с ошибками. Мысли, образы их захлёстывали, они спешили эти образы выразить словами и не обращали внимания на знаки препинания. А гениальный Баратынский ни одного стихотворения не написал без орфографических ошибок. Их исправляли ему Дельвиг с женой.

Вот и я (кх-кх...) часто в ошибках купался и за прекрасные сочинения нередко получал не только двойки, но и

единицы. Такой сложный наш великий русский язык, что часто не знаешь, где надо «а» писать, а где — «о»...

Чтобы не попадать впросак, я где-то с шестнадцати лет стал основательно заниматься русским языком. Позже это позволило мне даже преподавать язык в школах.

Ну а до этого писал я и говорил так, как подсказывало мне моё чутьё. Учиться сильно не хотелось, а вот писать тянуло. И подражал я, конечно, классикам, особенно Пушкину. Даже поэму написал в шестом классе. Называлась она, конечно же, «Большая любовь» и посвящена была моему сродному, уже взрослому, брату и ссыльной восемнадцатилетней красавице Оксане. Я был свидетелем их любви, она и стала причиной моего поэтического словоизвержения.

Ах, это он! Она узнала! Оксаны сердце трепетало. Ты, Гена, друг любимый мой, Мы не расстанемся с тобой...

(Ну чем не Онегин Александра Сергеевича?..)

Не зная правил стихосложения (о них я узнал позже), я писал по всем каноническим правилам, внутренний слух подсказывал мне, как надо писать. Хотя грамматических ошибок в моих виршах было невпроворот, да и мысли свои выражал я совсем ещё по-детски наивно.

А своё стихотворение «На смерть Сталина» я даже послал в «Пионерскую правду». Я и раньше так делал, и все окружающие думали, что я переписываюсь с самим вождём (наивный деревенский народ...). Москва и Сталин были для деревенских единым понятием. В Москву написал — значит, Сталину, получил письмо из Москвы — значит, от Сталина.

И вот эти стихотворные строки на смерть «отца народов» до глубины души тронули родных моих и друзей:

K нам пришли нежданно дни лихие, Тяжёлая пора для нас настала. В скорбный час, в минуты роковые Сталинское сердце биться перестало...

Это стихотворение, умываясь слезами, я читал на школьном митинге. А со мной плакала вся школа.

Впрочем, были и те, кто радовался смерти нашего кормчего. Это были ссыльные, оказавшиеся по его вине в сибирской глубинке. Помню, как с колокольчиком в руке бегала по школьному коридору, оглушая всех заливистым звонком, школьная уборщица, белоруска Лузанова, и кричала: «Кончайте уроки, Сталин помрэ!»

Получив скорбную весть, понимая, что пришла большая беда, мы тем не менее были рады тому, что сегодня уроков не будет, что мы можем побегать и порезвиться вволю, несмотря на всеобщее горе. Увы, радость и печаль всегда в жизни рядом идут.

Но вернусь к стихотворению, которое я послал в «Пионерскую правду».

Его, конечно, не напечатали, но письмо из Москвы я получил. Литературный консультант по фамилии, кажется, Степанов (письмо, к сожалению, не сохранилось в моих архивах) писал мне: «Дорогой Юра, твоё душевное стихотворение о нашем Великом вожде и друге тронуло нас. Но оно ещё несовершенно. Тебе не хватает поэтического опыта. Настоятельно советуем тебе учиться у наших классиков, они тебя многому научат».

Я тут же взялся за моего любимого Пушкина, моими друзьями стали Лермонтов и Тютчев, Некрасов и Никитин. Да и советские поэты мне здорово помогли: Твардовский, Исаковский, Симонов. Уже в пятнадцать-шестнадцать лет я знал наизусть чуть ли не всю любовную лирику Пушкина. Не остались в стороне и другие поэты. А басни Крылова и Михалкова были потом много лет в моём сценическом репертуаре. Помогли они мне и при поступлении в Московский институт культуры. И сам я, конечно же, сочинял стихи.

«Ну как дела, Маяковский? — часто спрашивал у меня мой родственник, книгочей и балагур Фёдор Петрович. —

Ну-ка почитай, что написал!» И я выдавал ему новый «шедевр». Это было, конечно же, стихотворение о любви, посвятил я его однокласснице Вальке Матвиенко, которая мне очень нравилась:

Мы мечтали с тобою о жизни, О судьбе о твоей, о моей, О дороге прямой к коммунизму, О богатстве колхозных полей...

Смешно это сегодня читать, но в советские времена мы верили во всё это. Стихотворение напечатали в «Колхозной правде» (спасибо редактору Козулину), и я был чрезвычайно горд.

Стихи я продолжал писать и во Владивостоке, где служил в армии. Некоторые были опубликованы в газете «Тихоокеанский комсомолец». Были они опять же о любви, она помогала служить:

Владивосток зажёг огни, Я с грустью в сердце ночь встречаю. Прошли подсчитанные дни, А писем всё не получаю.

Порадуй маленьким письмом, Тебе не трудно, мне так много...

Но осталась позади и армия. Мне уже двадцать два. Я— художественный руководитель Сухобузимского районного Дома культуры. Концерты, спектакли, стихи, а иногда, кстати, и очерки. Сухобузимская газета тоже печатала их. А одно стихотворение даже в газету «Красноярский рабочий» попало:

Забыто всё, забыто всё на свете. А позабытому названья нет. Ну что ж, пускай, тогда мы были дети, Нам было только по семнадцать лет. Эти стихотворения я сегодня читаю иногда со сцены. А той, кому посвящались эти строки, давно уже нет на свете...

В школе я выпускал стенгазету: сам сочинял, сам рисовал. Всё выходило с юмором, и школьникам это нравилось:

На уроке наш Демид Снова сделал умный вид. А спроси про что его, Он не знает ничего.

«Зато ты всё знаешь! — кричал Дёмка. — Я тоже про тебя сочинить могу!» И тут же пропел мне:

Эх, Варыга ты, Варыга, Настоящая барыга!

 ${\it H}$ это его успокоило. Дёмки тоже давно нет, а жизнь продолжается.

В девятом классе я написал пьесу в трёх действиях под названием «Большая ошибка» (я уже как-то писал об этом). Пьеса имела успех на школьной сцене. В спектакле были заняты и старшие школьники, и учителя. Я же был не только автором пьесы, но и главным исполнителем, и режиссёром, а учитель русского языка и литературы Валентина Ивановна Пегова (Карпова) была нашим суфлёром (без суфлёра никто бы не сказал и слова на сцене).

Спектакль имел огромный успех. Кроме меня, в нём были заняты моя сродная сестра Галя, племянник Володя, мой постоянный партнёр по сцене Юра Лысенко. Учитель военного дела Николай Карпович Чащин играл школьного сторожа, а преподавательница химии (имени не помню, она была приезжей, из Москвы) была в спектакле строгим директором. Помню, всё шло хорошо, но в финале случилась осечка: куда-то исчезли последние листки пьесы.

Валентина Ивановна туда-сюда — нет текста! А спектакль идёт. И мы с Юркой начали нести околесицу, стараясь быть ближе к сюжету. Мы с ним «делили» одну

девчонку, которая и мне, и ему нравилась не только по пьесе, но и в жизни

«Она меня любит!» — кричал я. «Нет, меня!» — кричал Юрка. Мы схватились за грудки и, забыв, что мы на сцене, сцепились не по-сценически. Нас расцепил Николай Карпович. Занавес быстро закрыли, недовольные зрители (им хотелось посмотреть-таки финал) разошлись. В зале одиноко сидела только наша любимая девчонка и горько плакала. Десятки лет прошло с того ве-

Ю. Я. Варыгин и Т. Я. Шук в спектакле по пьесе А. Гельмана «Наедине со всеми». Село Казачинское, 1970-е годы

чера, а сердце щемит, как вспомню.

...И снова лето, снова белые ночи, когда солнце, кажется, совсем не уходит за горизонт и можно гулять по улицам села до нового дня.

Но меня давно уже не тянет почему-то на ночную прогулку, да ещё с девчонкой рядом. Точно знаю: скучно мне с ней будет. Мы с ней из разных миров (уж не говорю прожизненный опыт).

Так что оставим «кесарю кесарево, а Богу — Богово» и будем принимать жизнь такой, какая она у нас есть сейчас. «Время собирать камни и время разбрасывать их...» Спасибо Господу за то, что сохранил память о юности, о

первых объятиях и первых поцелуях, о прогулках под луной и без неё, спасибо за то, что были мы когда-то молоды.

Жизнь моя, иль ты приснилась мне?

Поклонники изящной словесности наверняка помнят эти щемящие душу слова. Они принадлежат нашему великому поэту Сергею Есенину. Он написал их на заре туманной юности. Ему казалось, что его бесшабашная и бунтарская жизнь позади. Позднее Иосиф Уткин (современник поэта) о нём напишет:

Бунтующий и шалый, Ты выкипел до дна. Кому нужны бокалы, Бокалы без вина?..

Поэта давно нет, а вот трогательные слова из его стихотворения остались у многих в памяти. На всю жизнь запомнил их и я. Ведь и моя жизнь словно приснилась мне. Хотя, как ни странно, дожил я до восьмидесяти лет. И захотелось мне свои мысли и чувства вновь выразить в стихах, ибо я без них не могу. Вы уж простите меня, дорогие читатели, что опять лезу со стихами, ведь всё-таки юбилей:

Исполнилось уж восемьдесят мне, И я давно не тот, что прежде, И к лоску равнодушен, и к одежде. Теперь лишь только лира и семья Всечасно согревают душу. Жена да внуки — в них любовь моя. Да музыка — её люблю я слушать.

***

Счастливый, я по улицам брожу, Хоть старый, дряхлый, но вполне пригожий. Зимой и летом родиной дышу, И нету в мире ничего дороже.

Село Казачинское, январь 2018

P. S. Жизнь — это дорога, на которой каждый ищет своё счастье. Под старость лет я нахожу своё счастье в общении с альманахом «Новый Енисейский литератор».

Всем добра.

Ю. Я. ВАРЫГИН

Цветные фото — на стр. 10

«ЛЁГКОЕ ДЫХАНИЕ»

В преддверии светлого праздника учителя я всегда вспоминаю Галину Михайловну Куропаткину — преподавателя литературы Рождественской средней школы, давно ушедшей от нас и мирно покоящейся на Рождественском деревенском кладбище. Я — её бывший ученик. Часто посещаю скромную могилу, заросшую бурьяном, всякий раз повторяя стихотворные строки:

У могилы скорбя, Одиноко стою. Вспоминаю тебя Я, родную мою...

Воспоминания эти печальные. Но, как писал А. С. Пушкин, «печаль моя светла». Учился я у неё в старших классах и, как многие другие мальчишки, был немножко влюблён в её пышные тёмно-русые волосы, большие лучезарные глаза и чудесный голос. Походила она на популярную тогда киноактрису Людмилу Целиковскую, чем всегда гордилась. Ей было двадцать три года. Она любила и прекрасно знала литературу, вселяя эту любовь в нас. Она была красивая, лёгкая, улыбчивая, широко открытая жизни. У неё было лёгкое дыхание как у молоденькой героини из замечательного

рассказа Бунина «Лёгкое дыхание» Наденьки Мещерской: «Ведь лёгкое у меня дыхание, ведь лёгкое?» Наденьку Мещерскую застрелил влюблённый в неё пожилой господин, Галину Михайловну зарезал человек, которого она, кажется. любила и за которого собиралась выйти замуж. Но возлюбленный её был из ссыльных, а на ссыльных был запрет: «Не смей». Её воспитывали и в райкоме комсомола, и в сельсовете: Нельзя!» После экзаменов она должна была тайно уехать из села к себе в Саянский, кажется, район, а он, узнав об этом, зарезал её вечером на мосту, когда она спешила к нему на свидание. Нанёс шестнадцать ножевых ранений, нашёл председателя сельсовета и сказал: «Заберите труп. Я убил её из-за любви, потому что не хочу, чтобы она досталась другому». Вот такая романтическая история о любви. Влюблённые оказались жертвой режима пятиде-СЯТЫХ ГОДОВ.

Вспоминаются предэкзаменационные дни, консультации по русскому языку и литературе. Как всегда, заканчивались они песней (она могла бы стать великолепной эстрадной певицей, за песни, говорят, он её и полюбил). «Галина Михайловна, а почему бы вам не спеть в клубе?» — «А вот погодите, ребята, отведём экзамены, я надену своё любимое голубое платье и непременно спою».

В этом платье её похоронили в один из солнечных майских дней вдали от родины, на тихом сельском кладбище. Так распорядилась судьба. Милая Галина Михайловна, я никогда не забываю Вас. В том, что я люблю читать и сочинять стихи, есть и Ваша заслуга. Ведь именно Вы редактировали мои наивные стихотворные строки. Вы были тоже влюблены в поэзию. Вы преклонялись перед талантом певца Георгия Виноградова. Вы были страстной, увлекающейся натурой, Вы были порывом, мгновением. Такие натуры не всегда живут долго. Но в сердцах других остаются навсегда.